

2. Планы научно-технического рывка и идея суперминистерств

После апрельского Пленума Горбачев продолжал развивать ключевую идею политики «ускорения» — идею научно-технического скачка: «Налицо ясное понимание того, что возникла необходимость не просто движения вперед, а подлинного прорыва по всему фронту научно-технического прогресса, коренного перелома в развитии экономики», — утверждал Горбачев³⁰. Генсек намеревался начать с обновления активных производственных фондов, двух-трехсменной работы парка станков, применения роторных комплексов³¹ и к 2000 году планировал удвоить экономический потенциал страны³². С позиции сегодняшнего дня такие планы могут показаться утопичными³³, но Горбачев лишь экстраполировал на будущее официальные данные экономического роста предыдущих десятилетий, надеясь, что их удастся сохранить.

Экономическая стратегия, которая должна была позволить выполнить эту задачу, стала плодом компромисса «пуритан» и «реформистов». Горбачев вспоминает: «В том, чтобы накопившуюся энергию общественных ожиданий направить в русло “наведения порядка”, не ломая существующих

институтов, был, естественно, заинтересован партийный и государственный аппарат. В руководстве выразителями этих настроений были Лигачев, Соколов, в какой-то мере Чебриков, Воронников. Акцент на научно-техническом прогрессе делали Рыжков, Маслюков, Талызин, за которыми стоял корпус хозяйственных руководителей — министров, директоров предприятий. Ну а за неотложное преобразование экономических отношений в руководстве выступали Медведев и Яковлев»³⁴. Однако последние два руководителя занимали еще довольно слабые позиции, а подходы двух первых группировок были минимальны — идеи «наведения порядка» и «научно-технического прогресса» не противоречили друг другу. «Реформисты» в этот период еще откладывали свои сокровенные планы преобразований («на потом»). Горбачев вспоминает: «Крайне тревожная экономическая ситуация, доставшаяся в наследство новому руководству, требовала срочных мер. Нам тогда казалось: вот поправим дела, вытянем на прежних подходах, а там возьмемся уже за глубокие реформы»³⁵. Под «глубокими реформами» следует понимать относительно умеренные преобразования, которые в реальности последовали во второй половине 80-х гг. Но в 1985 г. Горбачев планировал перейти к ним позднее, после того как выправится положение в экономике: «Понимая значение экономических реформ, я считал, что надо прежде всего попытаться модернизировать экономику, чтобы к началу 90-х годов подготовить условия для радикальной экономической реформы»³⁶. Таким образом, экономическая стратегия 1985 г. основывалась не на реформах, а на мобилизационном потенциале командной системы СССР. «Прежде всего воспроизводился традиционный партийный механизм решения хозяйственных задач — через организацию массовых кампаний. Недаром сначала М.С.Горбачев проводил открытые параллели с опытом ускоренной индустриализации страны в 30-е годы. И в соответствии с этой аналогией речь шла об использовании высокого мобилизационного потенциала, существование которого обычно приписывали советской хозяйственно-политической системе благодаря наличию в ней механизмов централизованного планирования»³⁷, — считает В.Мау.

Как и в 30-е гг. техническое перевооружение должно было позволить не только нарастить, но и сохранить темпы экономического роста. Но было очевидно, что сразу все хозяйство обновить не удастся, и потому Горбачев ориентировался на очаговую модернизацию, когда более «передовые» индустриальные центры «возглавят» всесоюзную реконструкцию³⁸, а также на вложения в избранные направления научно-технических исследований: «Особые надежды я возлагал на “целевые программы научно-технического прогресса” по информатике и вычислительной технике, развитию роторных и роторно-конвейерных линий, робототехнике, биотехнологии, геной инженерии и т.д. Решающим звеном этого научно-фантастического процесса виделась модернизация машиностроения (тем более, что теперь оно не связывалось с политическими конкурентами)»³⁹. В литературе встречается мнение о том, что новый курс отвечал интересам военно-промышленного комплекса, который был в то время «наиболее влиятельной социально-экономической группировкой»⁴⁰. Как мы видели, влияние ВПК в этот пери-

од несколько преувеличено. После 1985 г. оно падает, следствием чего и явилась новая промышленная стратегия. Теперь инвестиционная накачка машиностроения планировалась не в пользу военных производств, а в пользу модернизации гражданской экономики. Эта экономическая стратегия была тесно увязана с новым внешнеполитическим курсом КПСС, нацеленным на отказ от нового витка гонки вооружений. Перенос «центра тяжести» экономики на машиностроение и сельское хозяйство отвечал интересам не ВПК, а победившего союза аграрной элиты и промышленного директората. С помощью модернизации своих производств производственные руководители рассчитывали решить проблемы, накопившиеся в период «господства ведомств».

По мнению ведущего экономического советника Горбачева А.Аганбегяна, «машиностроение является сердцем технологической реконструкции в экономике»⁴¹. На этом направлении предполагалось сконцентрировать ресурсы страны, подобно тому, как это делалось в период индустриального скачка 30-х гг. Собственно, ускорение воспринималось как «дальнейшее развитие индустриализации»⁴². Однако если в 30-е гг. в СССР существовал обширный аграрный сектор, который можно было «экспроприировать» ради получения средств на строительство новой промышленности, то теперь проблема средств на «вторую индустриализацию» повисла в воздухе. Накопления в промышленности СССР были все более скромными. «Экспроприация» небольшой части коррумпированных чиновников больших средств дать не могла. Сужение доли потребления (как в 30-е гг.) вызвало бы массовое недовольство. Об опасности сужения фонда потребления писал в докладной записке Горбачеву председатель правительства России В.Воротников⁴³. Этот вариант был рискованным и мог оставаться лишь запасным. Выступая на июньском совещании по проблемам научно-технической политики, Горбачев недвусмысленно заявил: «Мы не можем встать на путь свертывания социальных программ»⁴⁴. Источником «ускорения» должен был стать рост эффективности производства, увязанной с совершенствованием механизма управления и стимулирования труда. За этими понятиями маячил рынок, то есть те самые реформы, которые должны были последовать за модернизацией экономики. Образовывался заколдованный круг.

Вываться из него, как казалось, можно было, сконцентрировав средства на нескольких решающих направлениях. Уже сам этот поток средств должен был вызвать энтузиазм работников соответствующих отраслей и вызвать «прорыв». «Жертвами» такого перераспределения ресурсов стали добывающие отрасли, которые еще недавно смотрели на приход Горбачева к власти с надеждой. «Помню, как яростно боролся за приращение капиталовложений в угольную, нефтяную и газовую промышленность Долгих, — вспоминает Горбачев, — буквально завалил записками. Глядя на теперешнее состояние этих отраслей, можно подумать, что он был прав. Но ведь оно возникло прежде всего из-за отсталой технической базы. Нарастив добычу, не думая о ресурсосберегающих технологиях и машинах, значило завести дело в тупик»⁴⁵. Но ведь и задача подъема машиностроения решена не

была — несмотря на рост инвестиций в эти отрасли в 1,8 раза⁴⁶. Причина неудачи крылась не в ошибочном направлении «структурного маневра», а в самой стратегии реформ. Впоследствии это осознал и Горбачев: «Как показал последующий ход развития, наши решения того периода были односторонними, несли печать инерционных представлений, согласно которым можно добиться коренных перемен в экономике, главным образом, с помощью волевых действий»⁴⁷.

Выработке конкретных путей научно-технического рывка было посвящено специальное совещание в ЦК, состоявшееся в июне. Здесь обсуждались возможности модернизации электроники и прежде всего компьютерного производства, электротехники, станкостроения. На июньском совещании Генеральный однозначно подчеркнул непосредственную связь между политикой ускорения и внешнеполитическими трудностями: «Необходимость ускорения социально-экономического развития вызывается и серьезными внешними обстоятельствами... Историческим завоеванием является достижение военно-стратегического паритета с США... Перед лицом агрессивной политики и угроз империализма необходимо крепить оборонную мощь Родины...»⁴⁸

Поскольку конфискационные и репрессивные возможности остались в прошлом, руководству страны оставалось одно — инициировать активность интеллигенции, так как именно от этой «прослойки» зависела судьба научно-технической политики. Денег на поощрение интеллигенции не было, но оставался еще один стимул — «гласность», постепенное, ограниченное введение свободы информации, которая была нужна интеллигенции как воздух. К 1986 г. увязка экономических задач страны и «гласности» стала очевидной. В то же время «гласность» должна была стать инструментом антиведомственной борьбы в руках Горбачева. Неприязнь интеллигенции к бюрократии была очевидна, и ядовитые перья пишущей братии могли высветить уязвимые звенья бюрократических кланов куда лучше партийных проверок. Понятно, что при этом следовало жестко контролировать средства массовой информации, дабы они наносили удары по тем структурам, по каким следует. Наряду с использованием «гласности» во внутривнутрипартийной борьбе, она, как казалось, могла высветить пути рационализации структуры управления.

А пока те же задачи должны были решаться привычными административными методами. И рационализация управления, и решение политических задач, виделось на пути антиведомственных реформ. Уже в середине апреля Горбачев обсуждал этот вопрос с Тихоновым и Воротниковым, причем последнему сказал: «Для меня эта необходимость ясна уже давно»⁴⁹. С 70-х годов. Осенью реформа «дозрела». Горбачев обсуждал ее на встрече с региональными боссами 16 октября. На реплику омского первого секретаря С.Манякина: «Не много ли у нас министерств. Столько приходится сталкиваться с ведомственной несогласованностью, столько у нас ненужных перегородок», Горбачев ответил: «Мы намерены последовательно преодолевать эти ведомственные барьеры. В Политбюро уже имеются предложения о совершенствовании системы управления машиностроением, подготовлены

предложения по объединению министерств агропромышленного комплекса. Мы хотим, чтобы смежными отраслями управляли полномочные и компетентные бюро Совета министров, чтобы руководители этих подразделений располагали действительно большими правами»⁵⁰. Парадоксальным образом бюрократическая логика вела лидеров КПСС к антиведомственной реформе, выразившейся в создании суперведомств. Но эта бюрократическая антиведомственность имела и другую сторону: изменения в связи с появлением новых административных надстроек ослабляли сложившуюся отраслевую структуру управления. Этого ослабления суперведомства не могли компенсировать, и в итоге центр тяжести системы управления смещался вниз — к директорскому корпусу и аграрной элите, освобождая их инициативу от ведомственной опеки. Но надстройка продолжала контролировать ресурсы и таким образом должна была направлять инициативу «среднего звена» в направлении, нужном партийному руководству. Насколько эффективно суперведомства смогут справиться с этой задачей — оставалось загадкой. И если для одних создание новых структур было привычной бюрократической реорганизацией, то для других — прообразом компактных министерств будущего. С этих позиций за укрупнение ведомств выступали и многие либеральные экономисты (Заславская, Попов и др.), но при этом они предупреждали, что без углубления начал хозрасчета такая реформа приведет к усилению административной путаницы⁵¹.

Горбачев торопился с реформами, боясь потерять инициативу в наступлении на «консерваторов». «Видимо, пора заканчивать эксперименты и переходить к новой системе управления в целом... — заявил Генсек, несмотря на противоречивые результаты “широкомасштабного экономического эксперимента”, — люди уже начинают говорить о том, что эксперименты затянулись. Нельзя все время только экспериментировать»⁵².

Региональная элита предвкушала массивное наступление на ведомственную бюрократию, и Горбачев заверил ее в том, что соответствующие решения уже готовятся. В это время Рыжков, вопреки возражениям Лигачева, разрабатывал программу реорганизации управления, при котором центр тяжести переносился из центра в крупные региональные комплексы (Урал, Поволжье, Сибирь и т.д.)⁵³. Эта идея воспроизводила в более осторожной форме идею совнархозов. Как это не покажется парадоксальным, еще радикальней регионализация управления должна была развиваться в результате планировавшегося создания двух сверхминистерств — машиностроительного и агропромышленного. Создание суперведомств ослабляло сложившуюся ведомственную систему и переносило центр тяжести принятия решений вниз — на уровень локальной элиты.

Создание машиностроительного сверхминистерства должно было поставить под непосредственный контроль правительства машиностроительные отрасли, до того теснее связанные с военным комплексом, чем с правительством, и курировавшиеся «оборонным» секретарем Романовым. 18 октября было создано Бюро по вопросам машиностроения во главе с И.Силаевым, которое должно было координировать работу 11 министерств.

СИЛАЕВ Иван Степанович

1930 г. рождения. Окончил Казанский авиационный институт в 1954 г. Мастер, начальник цеха, зам. главного инженера, главный инженер, директор завода в Горьком. В 1974—1977 гг. — зам. министра, в 1977—1980 гг. — первый зам. министра, в 1980—1981 гг. — министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. В 1981—1985 — министр авиационной промышленности СССР. Член КПСС в 1959—1990 гг. Член ЦК КПСС в 1981—1990 гг. Герой социалистического труда (1975 г.), лауреат Ленинской премии (1972 г.). В 1990—1991 гг. — председатель Совета министров РСФСР. В 1991 г. — председатель Межреспубликанского экономического комитета. В 1992—1995 гг. — представитель России при ЕЭС. Председатель Международного союза машиностроителей. С 1995 г. — председатель совета Московского межрегионального банка.

Однако машиностроительное бюро не ликвидировало ведомств, лишь слегка изменив баланс влияний в системе управления. Иное дело — создание Агропрома.